

А. С. Конохова

Сестры милосердия в годы революции и гражданской войны

В годы революции 1917 г. и гражданской войны 1917–1922 гг. в России претерпели изменения не только органы власти, принципы устройства государства, но и этические нормы, представления о морали и нравственности. Подлежал слому и институт сестер милосердия, который в глазах большевиков был тесно связан с религией и царской фамилией. Однако новая власть не могла полностью отказать от сестричества. Уже к концу XIX в. стало очевидно, что женщины незаменимы в роли младшего и среднего медицинского персонала. В рассматриваемый период проходил последний этап перерождения сестер милосердия в современных медицинских сестер, сестричество становилось профессией¹.

Институт сестер милосердия возник в России в 40-е гг. XIX в. Его прототипами стали лютеранские диаконисы и Общество дочерей милосердия св. Викентия, возникшее во Франции еще в XVII в.² Можно согласиться с мнением М. И. Кунките, что первые общины сестер милосердия в России не носили строго религиозного характера, а скорее, были благотворительными учреждениями. Свято-Троицкая, Крестовоздвиженская общины и община сестер милосердия Литейной части изначально были межконфессиональными. Сестры милосердия не давали пожизненного обета и не имели молитвенных обязанностей. До 1914 г. общины сестер милосердия были в некотором смысле элитарными учреждениями: перед вступлением в общину женщина должна была окончить специальные курсы, сдать экзамены, а также пройти испытательный срок. Общины зорко следили за моральными и профессиональными качествами своих сестер. К 1912 г. в Российской империи насчитывалось около 3,5 тыс. сестер милосердия³.

В годы Первой мировой войны началось перерождение этого института⁴. Из-за небывалого количества больных и раненых потребовалось резко увеличить число медицинского персонала. Появилось много новых курсов сестер вне общин со сроком подготовки 1–2

**Конохова Анастасия
Сергеевна,**
*ведущий архивист,
Центральный
государственный архив
историко-политических
документов
Санкт-Петербурга,
заведующий
Выставочной
галереи центральных
государственных
архивов
Санкт-Петербурга
(Санкт-Петербург);
konohova@bk.ru*

месяца. Естественно, выпускницы таких курсов обладали очень низким профессиональным уровнем. 90 % сестер милосердия Великой войны прошли либо такую подготовку, либо не имели никакой⁵. В таких условиях ни общины, ни Российское общество Красного Креста не могли контролировать моральный облик сестер милосердия. Сестричество стало массовым явлением. Женщины потянулись на фронт не только из-за желания облегчить страдания российских солдат, но и преследуя материальные цели. Е. А. Гилярова, например, вспоминала, что она пошла в сестры милосердия, потому что нуждались в деньгах из-за болезни матери⁶. В армии появились случаи, когда воровки и мошенницы использовали форму сестер милосердия для прикрытия своих преступлений⁷. Среди медицинского персонала наблюдалось такое же массовое дезертирство с фронта, как и среди солдат. Кроме того, появились случаи отказа сестер милосердия работать с заразными больными (холера, тиф). Все это способствовало изменению как взгляда общества на данный институт, так и понимания сестрами своих задач.

Февральская революция в целом не изменила положения сестер милосердия. Однако прошедшая в марте 1917 г. амнистия предусматривала льготы женщинам, осужденным или находящимся под судом, которые готовы были отправиться на фронт. Среди общин такая инициатива вызвала негодование. В итоге данная мера была распространена только на желающих быть зачисленными в женские батальоны смерти⁸.

После Октябрьской революции ситуация изменилась. Ряд мер, предпринятых большевистским правительством, положил конец общинам сестер милосердия. Большевики расформировали главное управление Российского общества Красного Креста, а его имущество национализировали. В результате общины сестер милосердия, которые к началу XX в. вошли в состав Красного Креста, потеряли свое имущество, были, по сути, превращены в больницы и поступили в распоряжение комиссариата здравоохранения. Вскоре они получили новые революционные названия. Например, Георгиевская община стала больницей им. Маркса, Кауфманская — больницей им. Урицкого, Елизаветинская община отныне именовалась больницей им. Карла Либкнехта, Крестовоздвиженская — им. Пролетарского бойца Чудновского, а Евгеньевская — им. Фридриха Адлера⁹. Для такого рода учреждений переименования были очень болезненными, так как они носили имена своих небесных покровителей или земных благодетелей. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский и его жена Терезия Васильевна активно занимались благотворительностью и, в частности, участвовали в организации в 1844 г. первой общины сестер милосердия в России, в будущем — Свято-Троицкой. Принц основал и детскую больницу, которая получила его имя. Когда в соответствии с циркуляром № 2048/8662 от 23/24 октября 1918 г. от больницы потребовали выбрать себе новое название, коллектив отказался переименовывать учреждение, мотивируя это тем, что больница носит имя П. Г. Ольденбургского не из-за его принадлежности к царскому дому, а благодаря «его общепользотно-благотворительной деятельности в пользу страждущих и широко им поставленных задач Больницы»¹⁰. Единственный компромисс, на который были готовы служащие больницы, — это

исключение из названия титула «принц». Такое решение никого не устроило. Исполнительный комитет Рождественского района, к которому относилась больница, принял решение 19 января 1919 г. о переименовании ее в честь Розы Люксембург¹¹. К радости персонала больницы, еще раньше 24 декабря 1918 г. Коллегия Комиссариата здравоохранения постановила присвоить больнице имя ее первого директора К. А. Раухфуса¹², которое она носит по сей день. В тот период сестры милосердия все еще формально объединялись в старые общины и подчинялись Красному Кресту, но это положение сохранялось недолго.

По общинам ударил и декрет «Об отделении церкви от государства». В качестве одного из путей его реализации Советом комиссаров Союза коммун северной области 8 августа 1918 г. был принят декрет «О ликвидации домовых церквей и часовен при учено-учебных и воспитательных заведениях всех ступеней, а также при всех правительственных учреждениях»¹³. Таким образом, церкви, функционировавшие при больницах общин сестер милосердия, подлежали ликвидации. Петроградское окружное управление Красного Креста 27 февраля 1919 г. разослало предписание всем подведомственным общинам. Сестры, врачи и прихожане постарались сохранить свои церкви¹⁴. Путей для этого существовало несколько. В первую очередь необходимо было доказать, что помещение церкви или часовни не может использоваться в хозяйственных, учебных, лечебных или иных целях. Кроме того, церковь могла продолжать функционировать только в случае, если прихожане соглашались взять ее на свое попечение. Серьезным препятствием в деле спасения домовых церквей стало то, что церкви, находившиеся в зданиях больниц, не имели отдельного входа. Удалось сохранить только те церкви, у которых была возможность организовать вход с улицы. В итоге церковь при Свято-Троицкой общине на 12-й Рождественской улице (ныне Советской) была ликвидирована. Не получилось спасти и церковь при Кауфманской общине на Фонтанке, д. 148, однако, сестрам разрешили перенести ее в отдельно стоящую часовню. Так же дело обстояло и в Георгиевской общине. Что касается церковью Покровской и Крестовоздвиженской общин на Большом пр. В. О., д. 77 и Фонтанке, д. 154, то непременным условием их сохранения стала передача в ведение церкви помещений, находившихся этажом ниже и использовавшихся сестрами милосердия и врачами в своих целях, для обеспечения свободного прохода прихожан. В обоих случаях и медицинский персонал, и представители Красного Креста удовлетворили выдвинутые требования. В церкви при Александровской общине на Бронницкой ул. пришлось прорубать дверь во двор. Однако капитал, внесенный на содержание церкви еще до революции, был изъят. Церкви при Елизаветинской и Евгеньевской общинах продолжали функционировать без изменений¹⁵.

В 1920 г. появился циркуляр народного комиссариата здравоохранения РСФСР № 1026, согласно которому сестры милосердия стали именоваться просто сестрами, а слово «милосердие» из названия профессии удалялось. Позже укоренилось название «медицинская сестра», хотя предлагалось несколько других вариантов — например, замврач и помврач¹⁶.

Изменилось и само понимание обязанностей сестры. Если раньше основной мотивацией в работе сестры считалась любовь к ближнему, желание помочь страждущим, облегчить участь несчастных, то отныне сестра — это патриот, выполняющий свои обязанности ради победы страны или идеи. На плечи сестер легла новая обязанность — политическое просвещение своих подопечных¹⁷.

Октябрьская революция поставила перед сестрами милосердия новые вопросы. Сестры должны были определиться, на чьей они стороне. Если до этого их целью было облегчение страданий раненых и больных воинов, то теперь они стали участницами решения судеб страны. В петроградских больницах старый персонал старался саботировать новую власть. Однако среди сестер милосердия и врачей нашлось немало сторонников Октября. Как один из примеров можно назвать уже упомянутую сестру милосердия Гилярову, которая еще во время войны занималась распространением на фронте большевистской антивоенной литературы и с радостью встретила революцию¹⁸. На этой почве в медицинских учреждениях возникали конфликты. Большевичка П. С. Степанова, работавшая в 1918 г. в больнице им. Мечникова, вспоминала: «Медперсонал больницы объявил нам бойкот, некоторые чуть ли не плевали нам в лицо, говоря, что мы позорим звания медиков и, что когда придут в город войска Юденича, они выпорют нас розгами. В конце концов их отношение вынудило нас обратиться в ЧК»¹⁹. Немало было и тех, кто не имел четкой политической ориентации, а хотел дальше продолжать оказывать помощь всем нуждающимся: «Наступил 1917 год. В Петрограде происходили события, изменявшие мир. А в Сосновских бараках мы неизменно остаемся на своих местах, потому что были нужны»²⁰.

В кровопролитные годы гражданской войны и красные, и белые нуждались в большом количестве медицинского персонала. Вместо «старого “буржуазного” общества Красного Креста», который, по мнению большевиков, действовал на деньги эксплуататоров и помогал населению за его собственный счет, был создан Центрокрест²¹. В основном в Центрокрест вошли работницы заводов, а также бывшие сестры милосердия, лояльные к новой власти. Уже в 1919 г. появились курсы красных сестер. Кроме того, появилась должность помощницы сестры милосердия, на которую готовили трехмесячные курсы²². Красные сестры участвовали и в помощи бойцам на фронте, и в тылу. Работницы Выборгского района обратились к балтийцам со следующими словами: «Мы хотим быть там, где льется ваша горячая кровь, чтобы перевязывать ваши раны. Мы хотим быть среди вас на фронте, и своей заботливой рукой раздавать подарки, собранные нами посильно нашим средствам...»²³ Особенно ярко проявилась активность работниц в дни наступления Юденича на Петроград. По Петергофско-Нарвскому району около 800 человек рыли окопы, выгружали дрова и т. п., а 200 отправились на фронт²⁴. Смольнинский район особо гордился героической смертью «двух товарищей-женщин», посланных санитарками на фронт во время наступления Юденича²⁵.

Сестра милосердия пишет письмо по просьбе раненого красноармейца. Декабрь 1919 г. Петроград. Автор фото не установлен. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга.

Работницы проявили себя и в тылу. Им, в том числе, была поручена ревизия петроградских госпиталей. В ходе проверок выявился целый ряд недочетов и злоупотреблений. В лазаретах, госпиталях и больницах царили грязь, антисанитария и халатное отношение к больным: белье не менялось месяцами, уборки и дезинфекция не проводились. Работницы приняли активное участие не только в контроле над персоналом лечебных заведений, но и в наведении порядка. Так, работницы II Городского района самостоятельно приготовили ванну, помыли больных, подстригли их и продезинфицировали палаты²⁶. Кроме того, в Петрограде регулярно устраивались недели фронта, в течение которых женщины собирали подарки для воинов Красной Армии, навещали их в больницах и т. п.

Главное управление Российского общества Красного Креста, распущенное большевиками, пыталось возобновить свою деятельность при белых правительствах²⁷. В годы красного террора Центральный Комитет Российского Красного Креста в Киеве добился разрешения

Группа личного состава отряда санитарок-коммунарок II городского района. [1919]. Петроград. Фотография ателье К. Буллы. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга.

для своих сестер милосердия посещать заключенных тюрем. Сестры следили за санитарией в тюрьмах, снабжали узников всем необходимым и по мере возможности старались поддерживать их морально²⁸. К белым присоединились не только опытные сестры милосердия военного времени, но и необученные добровольцы, желавшие служить делу спасения страны. В. Иляхинский, участник I Кубанского похода, вспоминал с нежностью гимназистку Александру Викторову, которая под влиянием разговоров в семье решила покинуть родной дом, чтобы служить в Добровольческой армии²⁹.

Гражданская война отличалась от Первой мировой неизмеримо худшими условиями работы сестер милосердия и всего медицинского персонала. Если в годы Великой войны сестры имели отдельные помещения, возможность содержать себя в чистоте, хорошее питание, необходимые медикаменты, то в условиях гражданской войны всего этого были лишены не только белые, но и красные сестры. Красная сестра П. С. Степанова вспоминала, как в 1919 г. при переходе санитарного отряда в районе г. Ямбурга лошади от голода и усталос-

ти не смогли идти дальше, и сестрам пришлось «впрячься» в повозки с ранеными и тащить их до ближайшей деревни³⁰. Медицинский персонал ночевал вместе с солдатами в повозках, под открытым небом. Транспортировка раненных также легла на плечи женщин. У белых сестер были серьезные проблемы с перевязочным материалом, приходилось использовать одежду, белье, занавески³¹. Случалось, что первую помощь оказывали прямо на поле боя, под артиллерийским огнем. Одному из участников кубанского похода запомнилось, как он обратился с вопросом к сестре, на которой вся одежда была мокрая, и получил краткий ответ: «Ну что ж делать, я несколько раз переходила через эту жидкую грязь: скользко и вязко и здорово глубоко — мне было почти до пояса...»³²

Классические сестры милосердия прекратили существование с разгромом белого движения. И в РСФСР, и позже — в СССР подготовка младшего и среднего медицинского персонала стала государственным делом, а медсестры получили штатные должности в больницах и госпиталях.

С окончанием гражданской войны сестры милосердия надолго ушли с исторической сцены. В военных условиях жестокости и ненависти они являлись символами любви и человечности для воюющих. В современной России идет процесс возрождения общин сестер милосердия, хотя они носят несколько иной характер, чем до революции. В настоящее время в Петербурге существует 6 общин, члены которых в свободное время безвозмездно занимаются помощью старикам, бездомным, сиротам, заключенным тюрем, лежащим больным. Они пытаются возродить ту традицию, которая была утрачена после октябрьской революции. Параллельно идут дискуссии о необходимости привнесения в профессию медсестер духовной составляющей: медсестра не только должна обеспечивать физический уход за пациентом, следуя указаниям врача, но и поддерживать больных морально. Покровская община сестер милосердия регулярно проводит семинары «Милосердие и профессионализм»³³. Таким образом, идею женского милосердного служения не удалось полностью искоренить за годы революции и гражданской войны.

¹ Данный процесс начался задолго до революционных событий, его апогей пришелся на годы Первой мировой войны. Советская власть только официально закрепила то, что уже вошло в жизнь.

² Карпычева Л. А. Из истории «женского милосердного» движения в России XIX века // *На небесах уготовится истина твоя: неравнодушные мысли верующего человека*. СПб.: Покровская община, 2009. С. 211–216.

³ Сестры милосердия России / Под ред. Н. А. Белякова. СПб, 2005. С. 59.

⁴ Кунките М. И. Эволюция образа сестры милосердия в российском обществе в годы I Мировой войны // Вопросы участия среднего медицинского персонала в крупных и локальных военных конфликтах XIX–XX вв.: открытая городская научно-практическая конференция, 19 декабря 2009. СПб., 2009. С. 26–30.

- ⁵ Сестры милосердия России / Под ред. Н. А. Белякова. СПб., 2005. С. 243.
- ⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГА ИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 18. Д. 355. Л. 9.
- ⁷ *Кунките М. И.* Эволюция образа сестры милосердия в российском обществе. С. 26–30.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 2815. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–1 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 10.
- ¹¹ Там же. Л. 86 об.
- ¹² Там же. Л. 87.
- ¹³ ЦГА СПб. Ф. 5325. Оп. 7. Д. 102. Л. 4.
- ¹⁴ Там же. Л. 59.
- ¹⁵ Там же. Л. 59–60 об.
- ¹⁶ Сестры милосердия России. С. 298.
- ¹⁷ Особенно ярко эта тенденция развилась к Великой Отечественной войне: заслуги сестры определялись количеством больных, которых она сумела вернуть в строй, и ее политической активностью. Например, согласно приказу эвакуационного госпиталя № 1448 от 25 июля 1945 г., объявлялась благодарность студенткам ЛГУ не только за успешное выполнение «боевой задачи по лечению и уходу за ранеными бойцами и командирами Красной Армии», но и за то, что «они проводили большую политическую и культурно-массовую работу, занимая ведущую роль в агитационно-пропагандистской работе» (ЦГА ИПД СПб. Ф. К–1909. Оп. 1. Д. 360. Л. 1). Такое понимание функций персонала сохранялось до конца существования Советского Союза. Например, в своем отчете за 1952 г. Красный Крест хвалился тем, что создание санитарного поста на фабрике «Скорород» способствовало улучшению здоровья рабочих, что привело к изготовлению 867 дополнительных пар обуви за 7 месяцев (ЦГА ИПД СПб. Ф. 736. Оп. 3. Д. 5. Л. 12). Таким образом, на первый план выходит не моральное и физическое состояние людей, а нужды государства.
- ¹⁸ ЦГА ИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 18. Д. 355. Л. 9.
- ¹⁹ Там же. Д. 122. Л. 2.
- ²⁰ Центральный государственный архив литературы и искусства. Ф. 427. Оп. 1. Д. 99. Л. 2.
- ²¹ Сестры милосердия России. С. 261.
- ²² ЦГА СПб. Ф. 2815. Оп. 1. Д. 90. Л. 1–34.
- ²³ ЦГА ИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 529. Л. 2.
- ²⁴ Там же. Д. 923. Л. 44.
- ²⁵ Там же. Л. 59.
- ²⁶ ЦГА ИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 962. Л. 9–10.
- ²⁷ Сестры милосердия России. С. 263.
- ²⁸ Доклад Центрального Комитета Российского Красного Креста о деятельности Чрезвычайной Комиссии в Киеве // Красный террор глазами очевидцев / Сост., предисл., примеч. С. В. Волков. М., 2010. С. 28–34.
- ²⁹ *Иляхинский В.* Сестры милосердия в походе // Первый Кубанский («Ледяной») поход: Сб. воспоминаний. М., 2001. С. 295.
- ³⁰ ЦГА ИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 18. Д. 122. Л. 3.
- ³¹ Первопроходник. Мы не забудем вас // Первый Кубанский («Ледяной») поход: Сб. воспоминаний. М., 2001. С. 301.
- ³² Там же. С. 303.

³³ Милосердие и профессионализм: Сб. докладов, бесед и стенограмм образовательного курса по христианской диаконии. СПб, 2003.

Konokhova A. S. Sisters of Charity in the years of revolution and Civil war.

ABSTRACT: In the article, which is based on archive documents, main characters of Russian Sisters of Charity congregations in the I World War and Civil war are considered. The author analyses transformation of the Sisters of Charity institute in the first years of soviet regime.

KEYWORDS: Sisters of Charity, Civil war, nurses.

AUTHOR: Chief archivist of Saint-Petersburg State Archive of historical and political documents, head of exhibitional hall of Saint-Petersburg archives; konohova@bk.ru

REFERENCES:

¹ *Karpycheva L. A. Iz istorii «zhenskogo miloserdnogo» dvizheniya v Rossii XIX veka // Na nebesax ugotovitsya istina tvoya: neravnodushny'e my'sli veruyushhego cheloveka. St. Petersburg, 2009.*

² *Sestry' miloserdniya Rossii / Pod red. N. A. Belyakova. St. Petersburg, 2005.*

³ *Kunkite M. I. E`volyuciya obraza sestry' miloserdniya v rossijskom obshhestve v gody' I mirovoj vojny' // Voprosy' uchastiya srednego medicinskogo personala v krupny'x i lokal`ny'x voenny'x konfliktax XIX–XX vv.: otkry`taya gorodskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, 19 dekabrya 2009. St. Petersburg, 2009.*

⁴ Saint-Petersburg State Archive of historical and political documents.

⁵ Saint-Petersburg State Archive.

⁶ Central State Archive of Literature and Arts.

⁷ *Doklad Central`nogo Komiteta Rossijskogo Krasnogo Kresta o deyatel`nosti Chrezvy`chajnoj Komissii v Kieve // Krasny'j terror glazami ochevidcev / Sost., predisl., primech. S. V. Volkov. Moscow, 2010.*

⁸ *Ilyakhinskij V. Sestry' miloserdniya v poxode // Pervyj Kubanskij («Ledyanoj») poxod: Sb. vospominanij. Moscow, 2001.*

⁹ *Pervoprokhodnik. My' ne zabudem vas // Pervyj Kubanskij («Ledyanoj») poxod: Sb. vospominanij. Moscow, 2001.*

¹⁰ *Miloserdie i professionalizm: Sb. докладов, бесед i stenogramm obrazovatel`nogo kursa po xristianskoj diakonii. St. Petersburg, 2003.*